

**Republica Moldova
Curtea Constituțională**

Н О Т Ă Р Î Р Е

Перевод

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

о контроле конституционности некоторых положений Закона №1104-XV от 06.06.2002г. «О Центре по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией» и Закона №190-XVI от 26.07.2007 г. «О предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма»

**Именем Республики Молдова,
Конституционный суд в составе:**

Думитру ПУЛБЕРЕ - председатель
Виктор ПУШКАШ - судья
Петру РАЙЛЯН - судья
Елена САФАЛЕРУ - судья
Валерия ШТЕРБЕЦ - судья-докладчик

секретаря заседания - Дины Мустяца, при участии представителя автора обращения, Виталия Нагачевского, представителя Парламента, Виктора Моргоч, постоянного представителя Правительства в Конституционном суде, Олега Ефрима, представителей Центра по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, Алексея Секриеру, заместителя директора, и Валерия Сырку, начальника Службы по предупреждению и борьбе с отмыванием денег, руководствуясь ст.135 ч.(1) п.а) Конституции, ст.4 ч.(1) п.а) Закона о Конституционном суде, ст.4 ч.(1) п.а) и ст.16 ч.(1) Кодекса конституционной юрисдикции, рассмотрел в открытом пленарном заседании дело о контроле конституционности некоторых положений Закона №1104-XV от 06.06.2002г. «О Центре по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией» и Закона №190-XVI от 26.07.2007 г. «О предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма».

Основанием для рассмотрения дела послужило обращение депутата Парламента Валентина Кептени, представленное 18 июня 2010 года в соответствии со ст.24 и ст.25 Закона о Конституционном суде, ст.38 и ст.39 Кодекса конституционной юрисдикции.

Определением Конституционного суда от 30 июня 2010 года обращение было принято к рассмотрению по существу и включено в повестку дня.

В ходе предварительного рассмотрения обращения Конституционный суд запросил точки зрения Парламента, Президента Республики Молдова, Правительства, Министерства финансов, Министерства экономики, Высшей судебной палаты, Генеральной прокуратуры, Молдавского государственного университета, Академии наук Республики Молдова, Центра по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, Национального банка Молдовы.

Рассмотрев материалы дела, заслушав сообщение судьи-докладчика и разъяснения участников процесса,

Конституционный суд

у с т а н о в и л:

1. 6 июня 2002 года Парламент принял Закон о Центре по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией № 1104-XV¹ (далее – Закон №1104-XV от 06.06.2002 года). В обращении из данного закона оспаривается ст.7 ч.(1) п.г), п), которая предусматривает, что Центр, для выполнения возложенных на него задач и обязанностей, имеет право:

«г) приостанавливать операции юридических лиц и физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства, по счетам в банках и других финансовых учреждениях и налагать арест на денежные средства, материальные ценности, дебиторскую задолженность и другие активы указанных лиц в случаях выявления фактов осуществления незаконной экономической деятельности, уклонения от внесения платежей в бюджет либо приостанавливать совершение ограниченных или сомнительных финансовых операций;

п) налагать арест и/или изымать у юридических лиц и у физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства, материальные ценности, в том числе транспортные средства, в случаях:

- отсутствия в момент транспортировки, хранения или реализации документов, подтверждающих законность их происхождения;

- хранения незарегистрированных в бухгалтерских документах материальных ценностей или их хранения в местах, не заявленных налоговому органу».

Закон о предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма №190-XVI² был принят 26.07.2007 года (далее – Закон №190-XVI от 26.07.2007 года). Из данного закона оспаривается ст.8 ч.(1) и ч.(2):

«(1) Отчетные единицы обязаны незамедлительно информировать Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией о любой сомнительной деятельности или операции, находящейся в процессе подготовки, совершения или уже совершенной. Данные о сомнительных операциях отражаются в специальном формуляре, который передается Центру по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией в срок, не превышающий 24 часов.

¹ М.О. 2002, № 91-94, ст.668

² М.О. 2007, № 141-145, ст.597

(2) Операции, совершенные или совершающиеся в один этап в объеме свыше 500 тысяч леев, а также совершенные в несколько этапов в указанном объеме в течение 30 календарных дней, отражаются в специальном формуляре, который передается Центру по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией не позднее 15-го числа месяца, следующего за отчетным».

По мнению автора обращения, положения ст.7 ч.(1) п.г), п) Закона о Центре по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией и ст.8 ч.(1) и ч.(2) Закона о предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма противоречат Конституции Республики Молдова: ст.1 ч.(3), ст.4, ст.16, ст.21, ст.46 ч.(2), (3), (4), ст.54, ст.126 ч.(1), ч.(2) п.б), п.г), а также положениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а именно: ст.6, ст.1 Первого дополнительного протокола к Конвенции, нарушая принцип равенства, презумпции невиновности, право на частную собственность и ее защиту, а также принцип свободной конкуренции.

2. Рассмотрев оспариваемые положения в соотношении с нормами Высшего закона и законодательства в данной области, Конституционный суд отмечает следующее.

В 2002 году и в 2007 году соответственно Республика Молдова стала одной из сторон Конвенции об отмывании денег, выявлении, аресте и конфискации доходов, полученных в результате преступной деятельности, от 8 ноября 1990 года³ и Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16 мая 2005 года⁴, тем самым, присоединившись к объединенным усилиям международного сообщества по борьбе с экономическими и финансовыми правонарушениями и терроризмом.

Конституционный суд отмечает, что применение данных международных договоров ограничивается актами, вытекающими из преступной деятельности, и, следовательно, подпадают под действие уголовно-процессуальных норм. Таким образом, законодательные и другие меры, обязательные для государств-участников этих договоров, считаются «необходимыми для того, чтобы стала возможной конфискация орудий и доходов, полученных в результате преступной деятельности, или имущества, стоимость которого соответствует этим доходам». Задачи данных конвенций составляют взаимное сотрудничество и обмен данными между государствами-участниками, продвижение общей уголовной политики, противодействие преступности и устранение финансовых потоков, проистекающих из преступной деятельности, защита общества от подобного рода преступлений. Меры, разработанные государствами на основе положений этих конвенций, должны позволить пострадавшим лицам использовать эффективные пути обжалования в целях защиты своих прав.

3. Соответствующими законами о ратификации, Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, наряду с другими органами, был

³ Ратифицирована Законом № 914-XV от 15.03.02 г. , М. О. 2002, № 43-45, ст.281

⁴ Ратифицирована Законом № 165-XVI от 13.07.07 г. , М.О. 2007, № 117-126, ст.532

назначен в качестве компетентного центрального органа, ответственного за реализацию положений Конвенций.

Согласно Закону №1104-XV от 06.06.2002 года, Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией является специализированным правоохранительным органом по противодействию финансово-экономическим, налоговым правонарушениям и коррупции, который осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией Республики Молдова, законами и другими нормативными актами, а также с международными договорами, одной из сторон которых является Республика Молдова, главным образом, на основе принципов законности, соблюдения основных прав и свобод человека.

Задачи и обязанности Центра предусмотрены в ст.5 и ст.6 закона. Из содержания этих статей следует, что Центр осуществляет свою деятельность по трем направлениям: предупреждение правонарушений, оперативно-розыскная деятельность и уголовное преследование.

Закон №1104-XV от 06.06.2002 года предоставляет Центру определенные права, которые осуществляются в рамках действий административного характера, посредством проведения оперативно-розыскных мер без возбуждения уголовного дела, проведения оперативно-розыскных мер в ходе уголовного судопроизводства и по конкретным делам об административных правонарушениях и уголовного преследования.

4. Конституционный суд отмечает, что оспариваемые положения ст.7 ч.(1) п.г), п) Закона №1104-XV от 06.06.2002 года и ст.8 ч.(1) и ч.(2) Закона №190-XVI от 26.07.2007 года влекут за собой вмешательство в осуществление некоторых прав и свобод личности.

Конституционный суд проанализирует и оценит данные положения в соотношении с Законом об оперативно-розыскной деятельности⁵ и Уголовно-процессуальным кодексом⁶, как специальные законы, относящиеся к предмету оспариваемых норм.

Согласно положениям ст.7 ч.(1) п.г), п) Закона №1104-XV от 06.06.2002 года Центр вправе:

- приостанавливать операции юридических лиц и физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства, по счетам в банках и других финансовых учреждениях;

- налагать арест на денежные средства, материальные ценности, дебиторскую задолженность и другие активы указанных лиц в случаях выявления фактов осуществления незаконной экономической деятельности, уклонения от внесения платежей в бюджет;

- приостанавливать совершение ограниченных или сомнительных финансовых операций;

⁵ Закон №45-XIII от 12.04.1994 года. Повторно опубликован: М.О. 2003, № 11-13, ст. 38

⁶ М.О. 2003, № 104-110, ст.447

- налагать арест на материальные ценности, в том числе транспортные средства, юридических лиц и физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства;

- изымать у юридических лиц и физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства, материальные ценности, в том числе транспортные средства.

Конституционный суд отмечает, что закон не уточняет к каким направлениям деятельности Центра: по предупреждению, оперативно-розыскной, уголовного преследования, относятся меры, перечисленные в оспариваемых нормах.

Закон об оперативно-розыскной деятельности устанавливает оперативно-розыскные мероприятия и органы, уполномоченные осуществлять эти мероприятия, основания, условия и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, обязанности и права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также контроль за этой деятельностью.

Согласно ст.13 ч.(1) п.а) этого закона, органы, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность, имеют право проводить оперативно-розыскные мероприятия перечисленные в статье 6.

Так, согласно ч.(2) ст.6 закона, Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией осуществляет исключительно оперативно-розыскные мероприятия предусмотренные в п.(1) и (2) пп.н) и р), из которых отмечаем контроль за передачей денег или других материальных ценностей, полученных путем вымогательства; мониторинг операций, осуществляемых через один или несколько банковских счетов, ... и только в случаях, если эти меры необходимы для ... предотвращения или раскрытия тяжких, особо тяжких преступлений и исключительно тяжких преступлений.

Ст.6 Закона об оперативно-розыскной деятельности не относит ни к категории оперативно-розыскных мероприятий, ни к категории мер по обеспечению возмещения ущерба *приостановление* операций юридических лиц и физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства, по счетам в банках и других финансовых учреждениях, *наложение ареста* на денежные средства, материальные ценности, дебиторскую задолженность и другие активы указанных лиц в случаях выявления фактов осуществления незаконной экономической деятельности, уклонения от внесения платежей в бюджет, *приостановление* совершения ограниченных или сомнительных финансовых операций, *наложение ареста* и *изъятие* у юридических лиц и у физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства, материальных ценностей, в том числе транспортных средств, которые Центр вправе осуществлять согласно Закону №1104-XV от 06.06.2002 года.

Следовательно, Центр может проводить эти меры только в ходе уголовного преследования, в случае возбуждения уголовного дела и в строгом соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса. Конституционный суд отмечает, что Закон №1104-XV от 06.06.2002 года не содержит ни одного

положения об обязательности проведения этих мер только в случае возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем, из положений Закона об оперативно-розыскной деятельности не вытекает с достаточной ясностью, что мероприятия, предусмотренные в ст.8 ч.(1) и ч.(2) Закона №190-ХVI от 26.07.2007 года, входят в компетенцию Центра по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией.

В качестве органа уголовного преследования, Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, а именно его Главное управление по уголовному преследованию, осуществляет уголовное преследование в строгом соответствии с положениями уголовно-процессуального закона и только относительно правонарушений, входящих в его компетенцию согласно положениям ст.269 УПК.

5. Наложение ареста и изъятие у юридических и физических лиц материальных ценностей допускается в ходе уголовного преследования с соблюдением конституционного принципа неприкосновенности собственности и только на основании судебного решения (ст.13 УПК).

Таким образом, отдельные действия, которые Центр вправе проводить, предусмотренные в ст.7 ч.(1) п.г), п) Закона №1104-ХV от 06.06.2002 года, как наложение ареста на денежные средства, материальные ценности, изъятие у юридических лиц, а также у физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства, материальных ценностей, в том числе транспортных средств, урегулированы общими нормами уголовно-процессуального законодательства и могут применяться только в ходе уголовного преследования как процессуальные действия. Статья 202 УПК предусматривает наложение ареста на движимое и недвижимое имущество в качестве меры по обеспечению возмещения ущерба причиненного преступлением, а также по обеспечению гарантий исполнения наказания в виде штрафа, в соответствии со статьями 203-210 УПК, которые могут быть применены только в ходе уголовного судопроизводства.

Наложение ареста, являясь исключительно процессуальной мерой, следует регламентировать таким образом, чтобы определить пределы его применения. Условия и процессуальные детали, как правило, предусмотрены в нормах УПК.

Согласно положениям УПК, наложение ареста состоит в замораживании движимого и недвижимого имущества, принадлежащего подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, а также гражданскому ответчику в предусмотренных законом случаях, независимо от вида имущества и от лица, у которого оно находится, только в рамках уголовного дела, с соблюдением прав и процессуальных гарантий. Выемка предметов или документов, согласно ст.126 УПК, производится только органом уголовного преследования. Выемка документов, содержащих сведения, составляющие государственную, коммерческую, банковскую тайну, а также информации о телефонных переговорах производится только с санкции судьи по уголовному преследованию.

Выемка предметов или документов в других случаях производится на основании мотивированного постановления органа уголовного преследования.

Исходя из данного в ст.203 УПК определения, что наложение ареста на имущество является мерой процессуального принуждения, которая состоит в инвентаризации материальных ценностей и запрещении собственнику или владельцу распоряжаться ими, а после наложения ареста на банковские счета и депозиты прекращаются все операции по ним, Конституционный суд, проанализировав оспариваемые положения, не установил различие в процессуальном отношении между наложением ареста на имущество и приостановлением финансовых операций.

Согласно положениям ст.153/1 Налогового кодекса⁷, раздел V, Центр может проводить налоговые проверки только в ходе уголовного преследования, в строгом соответствии с положениями уголовно-процессуального закона.

Что касается остальных мер, которые Центр вправе проводить согласно оспариваемым нормам, Конституционный суд отмечает, что они не урегулированы Уголовно-процессуальным кодексом.

Конституционный суд делает вывод, что положения ст.7 ч.(1) п.г), п) Закона №1104-XV от 06.06.2002 года, а также положения ст.8 ч.(1) и ч.(2) Закона №190-XVI от 26.07.2007 года противоречат положениям специальных законов: Уголовно-процессуального кодекса и Закона об оперативно-розыскной деятельности.

В Постановлении №1 от 22.01.2008 года о контроле конституционности ст.2 ч.(1) и ч.(4) Уголовно-процессуального кодекса⁸ Конституционный суд отметил, что «в целях унификации процессуального законодательства, во избежание создания неясных и противоречивых положений и в целях соблюдения основных прав и свобод всех лиц, вовлеченных в уголовный процесс, законодательный орган установил, что правовые нормы процессуального характера, содержащиеся в других национальных законах, могут применяться лишь при условии наличия их в Уголовно-процессуальном кодексе. Как органический закон, с точки зрения общих конституционных норм, установленных статьей 72, Уголовно-процессуальный кодекс не имеет приоритета по отношению к другим органическим законам, однако, как специальный закон, согласно общим нормам права, независимо от времени принятия, он является приоритетным по отношению к другим органическим законам по принципу *lex specialis derogat generali*... Подобная законодательная техника призвана обеспечить устранение противоречий между положениями Уголовно-процессуального кодекса и уголовно-процессуальными нормами, содержащимися в других законах, обеспечить последовательное, безусловное и единообразное применение соответствующих норм с тем, чтобы можно было гарантировать полное соблюдение основных прав и свобод человека».

⁷ М.О. Специальный выпуск от 08.02.2007г.

⁸ М.О. 2008, № 25-27, ст.1

Конституционный суд заключает, что наделение Центра по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией правом осуществлять другие меры по обеспечению возмещения ущерба, кроме предусмотренных УПК и Законом об оперативно-розыскной деятельности, противоречит вышеизложенным принципам.

6. Оспариваемые нормы вступают в противоречие и с положениями Конвенции об отмывании денег, выявлении, аресте и конфискации доходов, полученных в результате преступной деятельности.

Конвенция, в ст.8, причисляет наложение ареста и другие меры ниже конфискации к временным мероприятиям, которые могут быть проведены участниками в отношении имущества, составляющего объектом спора, или которое позволяет разрешить подобный спор по требованию другой стороны, возбудившей уголовное дело или дело о конфискации. Так, согласно Конвенции, Центр не может произвольно наложить арест, приостанавливать операции по банковским счетам, требовать предоставления сведений о сомнительной деятельности, в отсутствие соответствующего требования, приговора или судебного решения (ч.(2) ст.14 Конвенции). Согласно ст.12 Конвенции, меры временного характера должны проводиться в соответствии с внутренним правом и в той мере, в какой они совместимы с ним.

В разъяснительном докладе к Конвенции отмечается, что национальное законодательство должно урегулировать «совокупность правил относительно каждого этапа процесса, от оперативно-розыскных мероприятий до вынесения приговора и исполнения решений о конфискации, и внедрения действенных и гибких механизмов».

Оспариваемые нормы не предусматривают с ясностью полномочия и способы проведения оперативно-розыскных мероприятий на каждом этапе: как вне уголовном процессе, в том числе административного характера, так и в ходе уголовного судопроизводства. В заседании суда представители Центра отметили, что меры, предусмотренные оспариваемыми нормами, предшествуют уголовному процессу, а собранная информация засекречена.

7. Конституционный суд считает, что оспариваемые нормы влекут за собой вмешательство государственного органа в осуществление права собственности, гарантированного ст.46 Конституции и ст.1 Первого дополнительного протокола к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым законно добытое имущество не может быть конфисковано. Законность добытого подразумевается. Имущество, предназначенное, использованное для совершения преступлений или правонарушений либо добытое в результате совершения преступлений или правонарушений, может быть конфисковано только в соответствии с законом. В этом контексте можно сделать вывод, что не было соблюдено правило, согласно которому вмешательство в осуществление права собственности подпадает под действие требований о юридической безопасности, или законности, которые предусматривают, что лишение собственности может производиться только в «предусмотренных законом условиях»; юридическая безопасность подразумевает наличие и соблюдение достаточно предсказуемых и

точных положений национального законодательства, отвечающим основным требованиям концепции «права».

8. Рассматривая конституционность оспариваемых норм Закона №190-XVI от 26.07.2007 года, Конституционный суд принял во внимание и тот факт, что сведения, о которых идет речь в оспариваемых нормах, являются коммерческой тайной и могут быть использованы вопреки принципу добросовестной конкуренции. Действия по информированию о сомнительных сделках могут ущемлять имущественные права лиц, учитывая, что они не совершаются в ходе уголовного судопроизводства. Закон не предусматривает условия и срок собирания сведений, сферы их использования. Закон обязывает отчетные единицы передавать информацию Службе по предупреждению и борьбе с отмыванием денег Центра по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, которая, согласно ч.(11) ст.7 Закона о борьбе с терроризмом, обеспечивает предупреждение и борьбу с финансированием терроризма в пределах компетенции установленной законодательством⁹. Однако, деятельность и пределы компетенции Службы по предупреждению и борьбе с отмыванием денег не регламентированы действующим законодательством.

Мнения Конституционного суда согласуются с юриспруденцией Европейского суда в данной области. Так, в постановлении по делу Лупша против Румынии Европейский суд отметил что «ни одно лицо, которое становится объектом меры национальной безопасности, не должно быть лишено гарантий защиты от произвола. В частности, оно должно иметь возможность требовать проведения проверки спорной меры независимым и беспристрастным органом, уполномоченным рассматривать все относящиеся к делу фактические и юридические обстоятельства, чтобы он смог принимать решение о законности меры и наказывать возможное злоупотребление государственных властей. Орган контроля должен предоставить лицу возможность использовать процедуру состязательности для изложения своей точки зрения и отклонения доводов государственных властей (Дело Ал-Нашиф, § 123 и § 124¹⁰)». Констатируя по этому же делу нарушение права лица на частную жизнь, Европейский суд признал, что это нарушение является результатом того, что «против истца не было возбуждено уголовное дело по факту участия в совершении какого-либо преступления в Румынии или в другой стране. Кроме основного довода, приведенного выше, власти не предоставили истцу никакого другого уточнения».

В постановлении по другому делу Европейский суд заключил, что «если в вопросах, касающихся основных прав, исполняющий орган в своей власти не знал бы границ, закон нарушил бы верховенство права, один из основополагающих принципов демократического общества, закрепленный в Конвенции»¹¹. Действительно, существование адекватных и достаточных гарантий защиты от злоупотреблений, к которым относятся главным образом действенные процедуры судебного контроля, тем более необходимы, так как под ширмой защиты

⁹ Закон №539-XV от 12.10.2001 года, М.О., 2001, №147-149, ст.1163

¹⁰ Дело Лупша против Румынии (Дело № 10337/04) от 18.05.2006г. § 38

¹¹ Дело Малоне против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Дело № 14038/88) от 02.08.1984г. §68

демократии, эти меры создают угрозу подорвать её, более того, уничтожить¹² (см: *mutatis mutandis*, дело Ротару против Румынии №28.341/95, § 55, § 59, ЕСПЧ 2000-V). Относительно секретности временных мер по прослушиванию телефонных переговоров, аналогично собиранию информации о финансовых операциях лиц, предусмотренных оспариваемыми положениями в настоящем деле, Европейский суд посчитал, что «из-за их секретности, меры по прослушиванию переговоров могут привести с легкостью, в отдельных случаях, к злоупотреблениям с негативными последствиями для всего демократического общества (...). В этих условиях, прослушивание переговоров можно считать «необходимым в демократическом обществе», только в случае если система секретного надзора содержит адекватные гарантии защиты от злоупотреблений»¹³. В этом смысле Европейский суд подчеркивает, что «в принципе, не существуют причины для исключения деятельности профессионального или предпринимательского характера из этой интерпретации понятия «частная жизнь»¹⁴.

9. Оспариваемые положения не предусматривают меры защиты от произвольных действий органов государственной власти, с тем, чтобы заинтересованные лица имели свободный доступ к правосудию для эффективной защиты своих прав, как предусматривает ст.5 Конвенции от 8 ноября 1990 года и ст.8 Конвенции от 16 мая 2005 года.

Это создает повышенную угрозу правовому порядку, защите прав, свобод и достоинства лиц, которые в результате могут быть подвергнуты неоправданному, иногда противозаконному вмешательству со стороны компетентных государственных органов.

Конституционный суд отмечает, что отсутствием адекватных мер защиты нарушается право лица на справедливое судебное разбирательство, гарантированное ст.21 Конституции и ст.6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что, в свою очередь, приводит к нарушению положений ст.16 Конституции, согласно которой уважение и защита личности составляют первостепенную обязанность государства, все граждане Республики Молдова равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения.

10. Конституционный суд считает обоснованной критику автора обращения о нарушении оспариваемыми нормами ст.126 ч.(1) и ч.(2) п.b), п.h) Высшего закона. Конституционный суд отмечает, что предпринимательская деятельность является специфической и тесно связана с финансовыми потоками и добросовестным исполнением договорных обязательств. Приостановление операций по счетам в банках в неопределенных условиях может серьезно затрагивать имущественные интересы экономических агентов. Приостановление или наложение ареста на финансовые операции не только подрывают доверие к

¹² Дело Ротару против Румынии (Дело № 28341/95) от 04.05.2000г. §§ 55, 59

¹³ Дело Малоне против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Дело № 14038/88) от 02.08.1984 г. §81

¹⁴ Дело Аманн против Швейцарии (Дело № 27798/95) от 16.02.2000г. § 65

экономическим агентам, но могут привести и к наложению крупных финансовых санкций со стороны деловых партнеров, для которых незаконные действия государственного органа расследования не являются чрезвычайным обстоятельством, которое может повлечь за собой освобождение от гражданской ответственности. Эти меры, а также передача секретной коммерческой информации в непредсказуемых условиях, наложение ареста на все виды имущества без санкции судебной инстанции, без возможности обжалования этих мер, в целесообразные сроки, в независимый судебный орган, не могут быть признаны Конституционным судом мерами, гарантирующими направленность государства к рыночной экономике, свободной торговле и предпринимательской деятельности, защите добросовестной конкуренции, созданию благоприятных условий для использования всех производственных факторов, неприкосновенности инвестиций физических и юридических лиц, в том числе иностранных, закрепленных в ст.126 ч.(1) и ч.(2) п. п.б), п.г) Высшего закона.

11. Согласно требованию ст.23 Конституции, ограничение можно считать «предусмотренной законом», в смысле ст.54 Конституции, только если оно сформулировано с достаточной точностью, чтобы лицо имело возможность принять решение относительно своего поведения и предусмотреть надлежащим образом, в зависимости от создавшихся обстоятельств, последствия этого поведения.

В деле Ротару против Румынии, Европейский суд припомнил свою постоянную практику, согласно которой «предусмотренный законом» означает не только определенная законодательная основа внутреннего права, но и качество закона, с тем, чтобы для лица закон был доступным и предсказуемым в отношении его последствий (см. и Решение Аманн против Швейцарии, ч.50)¹⁵.

В статье 1 Конвенция от 8 ноября 1990 года дает определения некоторых понятий, которые составляют основу механизма международного сотрудничества, предусмотренного Конвенцией, и обрисовывают поле её применения. Согласно разъяснительному докладу к Конвенции, «количество понятий, которые следует определить, было ограничено до строго необходимых, в целях правильного применения Конвенции. Большинство определений даются в общей интерпретации с тем, чтобы один или другой аспект внутреннего законодательства не отделился от поля применения Конвенции». Конституционный суд отмечает, что эти положения Конвенции не были соблюдены. Не раскрытие точного содержания вмешательства создает для юридических лиц, а также для физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства, неопределенные ситуации и этим оспариваемые нормы вступают в противоречие с принципом предсказуемости.

В оспариваемых нормах Закона №1104-XV от 06.06.2002 года и Закона №190-XVI от 26.07.2007 года использованы понятия, которым не дано определение: *сомнительная операция, находящаяся в процессе подготовки, совершения или уже совершенная; приостановление операций юридических лиц и физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства; наложение*

¹⁵ Дело Ротару против Румынии (Дело № 28341/95) от 04.05.2000г., § 52

ареста на денежные средства, материальные ценности; приостановление совершения ограниченных или сомнительных финансовых операций; изъятие материальных ценностей, незаконная экономическая деятельность, сомнительная операция, сомнительная деятельность, ограниченные финансовые операции, и которые создают неуверенность в применении этих законов, чем входят в противоречие с требованиями ясности и предсказуемости закона.

В заседании Конституционного суда представитель Центра сообщил, что эти понятия, относящиеся к Закону о предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, определены в справочнике сомнительной деятельности или сомнительных операций, принятого Центром по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией на основании Приказа №118 от 20.11.2007 года¹⁶. В этом смысле Конституционный суд отмечает, что справочник является актом внутреннего пользования и не может содержать первичные нормы. В соответствии с требованиями законодательной техники, определения терминов даются в законе, который их использует, а справочник не может заменить закон. Согласно п.г) ч.(1) ст.7 Закона №1104-XV от 06.06.2002 года Центр вправе участвовать в разработке и совершенствовании законодательства, а не принимать нормы первичного характера.

На основании вышеизложенного Конституционный суд считает неконституционными оспариваемые нормы законов №1104-XV от 06.06.2002 года и №190-XVI от 26.07.2007 года.

Исходя из изложенного, руководствуясь положениями ст.140 Конституции, ст.26 Закона о Конституционном суде, ст.62 п.а) Кодекса конституционной юрисдикции,

Конституционный суд

ПОСТАНОВИЛ:

1. Признать неконституционными положения ст.7 ч.(1) п.г) и п.н) Закона №1104-XV от 6 июня 2002 года «О Центре по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией» и положения ст.8 ч.(1) и ч.(2) Закона №190-XVI от 26 июля 2007 года «О предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма»

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня принятия и публикуется в «Monitorul Oficial al Republicii Moldova».

Председатель

Думитру ПУЛБЕРЕ

*Кишинэу,
25 ноября 2010 года, №27
Дело № 15а/2010*

¹⁶ М.О. 2007, № 203-206, ст.741